

Жил когда-то в глухой деревушке мальчик, по имени Чхон Дон.

Очень любил этот Чхон Дон рисовать, но вот беда – не было у него кисточки (В давние времена в Корее не было ручек и карандашей, писали и рисовали кисточками). И денег, чтобы кисточку купить, тоже не было.

Вот и рисовал Чхон Дон чем попало. Придёт, бывало, в лес, возьмёт кусочек коры, найдёт острый камушек и царапает им по коре: деревья да горы рисует. А то побежит на речку и прутиком по прибрежному песку водит – красивые картины получаются.

Соседи картинами любят: как живые на песке цветы расцветают, деревья растут.

– Вот бы купить Чхон Дону кисточку, – говорят. – Да только откуда на неё деньги взять? Деревня наша бедная. Ни у кого гроша медного нет.

А Чхон Дон о кисточке и мечтать не смеет. Рисует палочкой на песке да на земле сырой и людям показывает. Пусть полюбуются, какая красота вокруг них, а то работают с утра до ночи, ни гор высоких, ни рек быстрых не замечают.

Как-то раз нарисовал Чхон Дон на песке большую картину: высокие горы стоят, на горах могучие деревья растут, а из-за одного дерева тигр выглядывает.

Целый день приходили крестьяне на берег реки картину смотреть, а под вечер жителей соседней деревушки привели, той, что за перевалом была.

Полюбовались люди картиной чудесной и разошлись по домам.

А Чхон Дон всё у речки стоит, на картину смотрит. «Приду утром – ни гор, ни деревьев, ни тигра не увижу: занесёт картину песком», – думает он.

Грустно ему стало от таких мыслей. Но делать нечего, пошёл он домой и лёг спать.

И явился ему во сне седой старик и сказал:

«Не горюй, Чхон Дон, что твою картину песком занесло. Не придётся тебе больше рисовать палочкой. Дам я тебе волшебную кисточку будешь теперь этой кисточкой рисовать».

Сказал так и протянул Чхон Дону кисточку. Обрадовался Чхон Дон:

«Спасибо тебе, дедушка!» А старика уж и след простыл, словно его и не было.

«Дедушка, дедушка!» – закричал Чхон Дон и проснулся.

Вздыхнул Чхон Дон: «Значит, это сон был!» Повернулся он на другой бок, хотел ещё немного поспать, да что-то вдруг его в бок укололо. Смотрит Чхон Дон, глазам не верит – рядом с ним кисточка лежит, поблёскивает. Взял Чхон Дон кисточку, а она из чистого золота сделана.

Еле-еле Чхон Дон утра дождался. А как солнце встало, побежал он в горы, оторвал от дерева

кусочек коры и начал рисовать птицу. Только дорисовал он последнее перышко, забила птица крыльями, слетела с картины и взмыла в синее небо.

Удивился Чхон Дон: «И впрямь, значит, волшебная кисточка!» Побежал он быстрее к реке, взял большой камень, нарисовал на нём окуня.

– Ну-ка, окунь, плыви, – говорит.

Встрепенулся окунь нарисованный, соскользнул с камня – и бултых в воду!

С тех пор стал Чхон Дон золотой кисточкой рисовать. Что его попросят, то он и нарисует. И картины его волшебные сразу же оживают. Попросят крестьяне вола нарисовать – нарисует Чхон Дон вола большого, и в тот же миг оживёт вол; попросят мальчишки птичек разноцветных нарисовать – нарисует Чхон Дон разноцветных птичек.

Все люди радуются, Чхон Дона благодарят. Один богач Пак недоволен: то он один хорошо жил, а тут все крестьяне нужды не знают. «Непорядок это, – думает Пак, – надо отобрать у Чхон Дона кисточку».

Выждал он удобный момент, когда вся деревня в поле была, сел на самого лучшего коня и к Чхон Дону поехал. Подъехал к дому, кричит:

– Выходи, Чхон Дон! Отдавай свою кисточку! Я сам рисовать хочу!

Испугался Чхон Дон: ну как отберёт богач кисточку, что тогда будет? Опять обеднеют крестьяне. Взял он поскорее кисточку:

– Выручай, кисточка!

Мигом нарисовал Чхон Дон боевого коня, вскочил коню на спину и навстречу Паку помчался. Бьёт конь копытами о землю, изо рта у него пламя пышет, из ушей дым валит. Испугался Пак, повернул скакуна и давай его нахлёстывать. Взвился скакун на дыбы, звонко заржал, сбросил Пака наземь и умчался в горы – только его и видели. А Пак кричит, охает, никак подняться не может.

Засмеялся Чхон Дон:

– Будешь знать, как за чужим добром охотиться! Не вздумай без меня крестьян обижать: я скоро вернусь.

Сказал он так, стегнул коня и исчез из виду.

Скакал Чхон Дон три дня и три ночи и доскакал до Сеула, где жил ван Кореи. Слез он с коня и стал по Сеулу ходить, смотреть, как простой народ живёт. Ходил-ходил, смотрел-смотрел, видит – плохо живётся бедному люду: все его обижают, а пожаловаться некому.

Стал тогда Чхон Дон в чибидомы (Чибидомы – корейский дом) к беднякам заходить, рис да одежду рисовать. Скоро весь город о волшебной кисточке знал.

Прослышал об этом сам великий ван, разгневался: как смеет дерзкий мальчишка владеть волшебной кисточкой?

Повелел он слугам разыскать наглеца и немедля во дворец доставить. Стали слуги по городу рыскать, в чибидомы заглядывать. Зайдут в чибидомы и давай по углам шарить: есть в чибидомы рис да одежда – значит, побывал уже здесь Чхон Дон.

Обошли они все дома – везде мешки с рисом стоят, везде одежда новая лежит. Может, его уже и в городе нет?

Вдруг видят слуги: стоит на окраине чибидомы, маленький, ветхий, вот-вот развалится. Зашли, смотрят

- ни риса, ни одежды новой нет. Спрятались слуги получше и стали Чхон Дона ждать.

Вот уже солнце село, на небе звёзды зажглись, а Чхон Дона всё нет. Наконец раздалась чьи-то шаги, и в чибби вошёл мальчик с золотой кисточкой в руках.

- Здравствуйте, люди добрые, - говорит. - Я пришёл вам помочь.

Замахала на него руками хозяйка:

- Беги скорее, сынок, здесь злые люди спрятались. Повернулся Чхон Дон к двери, хотел во двор выбежать, да где там: выскочили слуги вана, схватили Чхон Дона, отобрали у него волшебную кисточку, самого крепко-накрепко верёвками связали и во дворец повели.

Привели его во дворец, посадили в темницу, а утром к вану повели.

Сидит ван Кореи на троне, шёлковым веером обмахивается.

- Так вот ты какой, негодный мальчишка! - говорит. - А ну-ка нарисуй что-нибудь.

Развязали Чхон Дону руки, дали ему золотую кисточку и стали ждать, что дальше будет.

Взял Чхон Дон свою кисточку, взмахнул ею два раза, и по полу огромная жаба запрыгала - прыг-скок, прыг-скок - прямо к трону, где ван сидит.

- Ай-я-яй! - завопил ван и на трон вскочил. - Бейте её, бейте!

Бросились слуги жабу ловить, бегают, кричат, друг на друга натыкаются. Еле-еле поймали. А Чхон Дон стоит усмехается. Увидел ван, что мальчишка над ним смеётся, разозлился и приказал Чхон Дона в темницу бросить.

Схватили слуги Чхон Дона, заковали железными цепями и в темницу бросили.

Пошли они потом к вану и давай золотой кисточкой рисовать. Да только где им, неумехам! Собака у них на кошку похожа, тигр - на зайца огромного, даже мешок с рисом и тот нарисовать не могут.

Слез тогда с трона сам великий ван, взял кисточку:

- Смотрите, как рисовать надо! Сказал он так и стал кусок золота рисовать. Рисовал-рисовал, и получился у него огромный камень. Покатился камень прямо вану под ноги. Еле-еле успел ван в сторону отскочить. А камень докатился до того места, где ван стоял, ударился со всего маха о трон и разбил его вдребезги.

Рассердился ван, повелел слугам выбросить камень, а сам дерево рисовать принялся. Только нарисовал ствол изогнутый - превратился ствол в ядовитую змею. Зашипела змея и к вану поползла.

Заметался ван по залу.

- Ловите её, ловите, бейте её! - кричит. Стали слуги змею ловить, насилу поймали.

Видит ван - не слушается его волшебная кисточка. Пришлось ему опять Чхон Дона звать.

Привели слуги Чхон Дона.

- Ну, Чхон Дон, выбирай: или рисовать будешь, или прикажу казнить тебя без промедления, - говорит ему ван.

Делать нечего - пришлось Чхон Дону согласиться.

Сняли с него тяжёлые цепи, дали золотую кисточку, а сзади стражника поставили, чтобы пустил он в Чхон Дона острые стрелы, если тот вана ослушается.

Почесал ван в затылке, подумал да и говорит:

- Нарисуй-ка, Чхон Дон, озеро.

Взмахнул Чхон Дон кисточкой - раз-два! - и появилось посреди зала голубое озеро. Обрадовался ван:

- А теперь нарисуй лодку красивую.

Снова взмахнул Чхон Дон кисточкой - и закачалась на синей воде красивая лодка.

Залез ван в лодку и давай по озеру плавать, песни распевать. Катался-катался, а потом и говорит:

- Что за интерес в лодке кататься, если волн нет? Сделай-ка мне волны!

Провёл Чхон Дон по воде кисточкой - и пошли по озеру волны: чхуль-лон, чхуль-лон. Закачалась на волнах лодка, а ван и рад.

- Ещё, - кричит, - ещё! Сделай волны повыше!

Опять провёл Чхон Дон по воде кистью, и заходили по озеру волны, да не такие, как в первый раз, а большие, высокие: чхаль-лан, чхаль-лан. А вану всё мало.

- Сделай ещё выше! - кричит. - А то велю казнить тебя!

Взмахнул Чхон Дон кистью изо всех сил, поднялась огромная волна, перевернула лодку, и ван тут же ко дну пошёл.

Бросились слуги вана спасать, и тоже все потонули.

А Чхон Дон нарисовал белого журавля, сел ему на спину и отправился в другие города и деревни бедным людям помогать.